

«Текст в тексте»: проблема терминологии

© кандидат педагогических наук И. И. Яценко, 1998

Проблема межтекстовых связей, имеющих давнюю историю и богатые традиции, в последние десятилетия стала объектом особо пристального внимания специалистов в разных областях гуманитарного знания: философов¹, лингвистов, литературоведов, культурологов. Обращение к исследованию проблемы «текст в тексте» представителей разных наук порождает неизбежное в таких случаях использование разной терминологии применительно к сходным объектам исследования. В этой связи возникает необходимость уточнить содержание ключевых для данной проблемы терминов: текстовые реминисценции, прецедентные феномены, интертексты — и выяснить, насколько они тождественны, взаимозаменяемы или, напротив, неэквивалентны один другому.

Поскольку вопрос о соотношении текстовых реминисценций² и прецедентных феноменов³ достаточно наглядно и убедительно раскрыт В. В. Красных [8], можно принять как данность выводы ученого о том, что, во-первых, «текстовые реминисценции и прецедентные феномены ... пересекаются на участке прецедентных имен и прецедентных высказываний» [Красных:10] и, во-вторых, что «текстовые реминисценции, ... которые представлены прецедентными именами и прецедентными высказываниями, являются единицами не языка, но дискурса» [там же:11].

Открытым остается вопрос о корреляции а) интертекстов и текстовых реминисценций, б) интертекстов и прецедентных текстов.

¹ «Если классическая философия в основном занималась проблемой познания, то есть отношениями между мышлением и вещественным миром, то практически вся западная новейшая философия переживает своеобразный «поворот к языку» (a linguistic turn), поставив в центр внимания проблему языка, и поэтому вопросы познания и смысла приобретают у них чисто языковой характер» [Ильин, 1998: 14].

² «Текстовые реминисценции (ТР) — это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун, 1995: 17].

³ «К числу прецедентных мы относим феномены, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных, 1997: 9].

Прежде чем предпринять попытку решить этот вопрос, необходимо раскрыть содержание понятий *интертекстуальность* и *интертекст*.

По И. П. Смирнову, «интертекстуальность — это слагаемое широкого видового понятия, так сказать, **интер**<...>**альности**, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995: 11]. Впервые термин *интертекстуальность* был использован в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой, которая не без влияния М. Бахтина вначале сводила интертекстуальность к диалогу между текстами.

Однако в дальнейшем понятие *интертекстуальность* претерпело существенные изменения в трудах теоретиков структурализма и постструктурализма (А.-Ж. Греймс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида и др.)⁴. Так, показательна семантическая концепция Дерриды, его интерпретация понятия «*след*», представляющего собой знак (означающее), который потерял свою связь с обозначаемым, то есть «утратил референциальную функцию» [Современное ..., 1996: 216]. «Сведение смысла художественного произведения лишь к взаимодействию, к «игре означающих» замыкает литературный текст в кругу таких же текстов и практически отвергает всякую возможность его связи с внеязыковой реальностью. В результате факт существования литературного текста обуславливается его зависимостью от других текстов, от того, насколько они «присутствуют» в нем в явной или скрытой форме, насколько в нем ощутимы их «следы» [там же: 139].

Тенденция к абсолютизации идеи интертекстуальности постструктуралистами находит свое завершение в отождествлении сознания человека с письменным текстом, в результате чего культура, общество и история рассматриваются как текст (или интертекст). В результате этого порождаются многочисленные концепции о «смерти субъекта», через которого «говорит язык» (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт), а в конечном счете и «смерти читателя» с его «текстом-сознанием», растворенным во всеобщем интертексте культурной традиции» [Ильин, 1998: 21].

Как следует из сказанного выше, интертекстуальность (как порождение рефлектирующего сознания конца века и тысячелетия) — поня-

⁴ Об этом см.: [6], [12].

тие концептуальное для эстетико-философской системы постструктурализма и вслед за ним постмодернизма⁵. В связи с этим термин *интертекст* может быть истолкован в широком смысле слова (культура, общество, история — глобальный интертекст, в который погружено сознание человека) и в узком: **интертекст** есть то «чужое», заимствованное из других текстов, что «присвоено» неким текстом, органично стало его частью и что не разрушает единства «вторичного» текста⁶.

Ориентируясь на второе, «узкое», определение интертекста, попытаемся соотнести понятия *интертекст* и *текстовые реминисценции*.

Приведенное в сноске 2 определение текстовых реминисценций, данное А. Е. Супруном, в принципе не противоречит определению интертекста (в узком смысле). Текстовые реминисценции, по А. Е. Супруну, могут быть представлены цитатами разного объема, «крылатыми словами», особыми коннотациями слов и выражений, индивидуальными неологизмами, именами персонажей, названиями произведений, именами их авторов, разного рода напоминаниями о ситуациях. То же приемлемо и для интертекста.

Существенным для разграничения текстовых реминисценций и интертекстов является признание первых языковыми явлениями, хотя и с оговоркой, что это «переходная, пограничная часть языка» [Супрун, 1995: 26]. На этом основании текстовые реминисценции могут быть отнесены к плану выражения, в то время как интертекст — феномен плана содержания, так как в случае обращения к интертексту на первый план выдвигается концептуальная интенция автора, его потребность «не столько в простом воздании должного предшественникам или полемике с ними, а в том, что новые акты творчества совершаются на языке, в материале, на фоне и по поводу ценностей той литературной традиции, из которой они возникают и которую они имеют целью обновить» [Жолковский, 1994: 30].

Кроме того, давая определение текстовым реминисценциям, А. Е. Супрун указывает, что это могут быть «осознанные vs. неосознанные» цитаты. И это справедливо, если речь идет о художественном

⁵ Термин *интертекстуальность* «употребляется не только как средство анализа литературного текста или описания специфики существования литературы..., но и для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название *постмодернистская чувствительность*» [Современное ..., 1996: 216].

⁶ «Единство текста, ранее искавшееся в его имманентной сердцевине, теперь предполагается охватывающим и то, что вовне. Спроецированное на множество контекстов, произведение предстает как комплекс акций, направленных на те или иные явления жизни и искусства» [Жолковский, 1994: 10].

приеме, об элементе поэтики текста. Увлекательное и вместе с тем убедительное исследование межтекстовых связей А. К. Жолковским приводит автора к выводу о неосознанности большей части заимствований (если интертекстуальность не выступает в роли приема), когда «развертыванию подвергаются не столько конкретные тексты предшественников, сколько целые схемы мышления, системы приемов, текстуальные навыки, принятые в предыдущих литературных школах» [Жолковский, 1994: 30]. В связи с этим исследователь говорит не о «цитируемом тексте», а о «текстовом объекте».

Думается, что на основе вышеизложенного правомерен вывод о том, что текстовые реминисценции и интертекст чаще соотносятся как форма и содержание, реже совпадают друг с другом. Текстовые реминисценции — это своего рода прием, позволяющий устанавливать межтекстовые связи в границах одного текста. Косвенным подтверждением этому является частое использование термина *текстовые реминисценции* в значении *прием* специалистами в области исследования интертекстуальных связей. Так, И. П. Смирнов, приводя примеры нескольких классификаций способов «отсылки от текста к тексту», пишет: «Gian Biagio Conte разбивает интертекстуальные связи на 5 групп, куда входят: метафористическая реактивация знака; простое тождество отрезков разных текстов; ироническая *реминисценция* (выделено нами — И.Я.) ...» [Смирнов, 1995: 14].

Итак, имея в виду, что интертекстуальность (а она свойственна литературе всех времен) в контексте постструктуралистской и постмодернистской эстетики приобретает право на автономное существование, мы склонны рассматривать текстовые реминисценции как явление формального плана текста, необходимое для введения одного текста в другой с целью «семантических трансформаций, ... подчиненных некоему единому смысловому заданию» [Смирнов, 1995: 11].

Интертекстуальные связи доминируют в современных постмодернистских текстах, которые мировоззренчески ориентированы на изображение жизни как некоего абсурда, хаоса, чуждого человеку, от которых следует отличать постмодернистскую манеру письма. Но и для постмодернизма, и для постмодернистской манеры письма характерны такие особенности, как квазиреализм и нонселекция, для оформления которых широко применяются реминисценции.

Квазиреализм, возникший под влиянием массовой культуры, заключается во внешне реалистической манере повествования, в жизнеподобии, за которым скрывается абсурд бытия. Например, эпизод из рома-

на В. Пелевина «Чапаев и Пустота», рассказывающий о том, как В. Брюсов выступает в роли конферансье в литературном кабаре, уподобляясь в своих «идиотских каламбурах» балаганному Петрушке: *«Товарищи! Хоть мы и живем в визуальную эпоху, когда набранный на бумаге текст вытесняется зрительным рядом, или ... хмм... — он закатил глаза, сделал паузу, и стало ясно, что сейчас он произнесет один из своих идиотских каламбуров, — или, я бы даже сказал, зрительным залом ... хмм... традиция не сдается и ищет для себя новые формы. То, что вы сегодня увидите, я определил бы как один из ярких примеров искусства эгопупистического постреализма. Сейчас перед вами будет разыграна ... маленькая трагедия «Раскольников и Мармеладов»* [Пелевин, 1998: 29]. Перед нами образец созданного посредством целого набора текстовых реминисценций псевдореалистического повествования, которое отсылает читателя к ряду интертекстов: эпоха нэпа, Брюсов-«попутчик», пролеткульт с его экспериментом в искусстве, пушкинские маленькие трагедии, парадоксальным образом объединенные с героями романа Достоевского. За всем этим прочитывается абсурд эпохи подмены истинных ценностей мнимыми, эпохи безразличия к человеческой жизни.

Нонселекция (термин голландского исследователя Д. Фоккемы), основополагающий принцип организации постмодернистского текста, заключается в отказе «от преднамеренного отбора (селекции) лингвистических (или иных) элементов во время «производства текста» [Ильин, 1998: 160]. Фоккема прослеживает действие этого принципа на разных уровнях анализа текста: лексемном, семантических полей, фразовых структур и текстовых структур. На каждом из уровней функционируют точные или видоизмененные текстовые реминисценции. Например, на фразовом уровне постмодернистские тексты отличает:

- «синтаксическая неграмматичность» или «такая ее разновидность, когда предложение оказывается оформленным не до конца с точки зрения законов грамматики и фразовые клише должны быть дополнены читателем, чтобы обрести смысл» [Ильин, 1998: 162] (например: читать *«не больше пятидесяти страниц в день, для среднего школьного возраста, Мальчик из Уржума, Детство Темы, Дом на горе, Витя Малеев, и вот это: жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы.»* [Соколов, 1976: 74], множество текстовых реминисценций создают интертекстуальную картину мира, в которой существуют персонажи С. Соколова);

- семантическая несовместимость, например:

Кремнистый путь блестит,

Окно горит в сельмаге. [Кибиров, 1997: 13] -

текстовая реминисценция «кремнистый путь блестит» вызывает у читателя ожидания, не совместимые с информацией следующей строки, чем и достигается желаемый автором эффект;

Я вас любил. Любовь (возможно,

просто боль) сверлит мои мозги... [Бродский, 1992: 89] -

в пародировании И. Бродским знаменитой элегии А. С. Пушкина реминисценция соседствует со снижающими чувство любви образами (не любовь — *просто боль, сверлит мозги*);

«Секрет русского человека в том, что у него есть щель. Или — дыра... Во всяком случае в нем определено нет герметичности» [Ерофеев, 1996: 6] — фрагмент эссе Виктора Ерофеева «Щель» эпатирует читателя разрушением стереотипа «Тайна (загадка, секрет) русского человека (русской души) в его богоизбранности (высоком предназначении, непредсказуемости и т.д.) посредством приема обманутого ожидания, введением неожиданных и «неуместных» в данном контексте слов *щель, герметичность*;

- необычное типографское оформление предложения (иногда всего текста), например, эссе Викт. Ерофеева «Рембо как Рембо» в основном состоит из многочисленных повторов слова *Рембо* (текстовая реминисценция в виде имени), типографски оформленного в правильные столбики.

Как уже отмечалось выше, интертекстуальность может иметь отношение к достаточно широкому культурному контексту, например, к литературной традиции. Так, постмодернистский лозунг «Сон есть текст» (постулат французского психоаналитика Ж. Лакана, выдвинувшего идею текстуализации бессознательного [см. Ильин, 1998: 55 и далее]) реализовался во многих текстах постмодернистской ориентации, что включило их в парадигму литературной традиции изображения «сна-жизни». Например, лермонтовский «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»), проза Набокова, где все зыбко и не вполне реально, как во сне (например, рассказ «Облако, озеро, башня», в котором, безусловно, действуют законы сновидения, и герой погружается то в прекрасный мираж, то в кошмар), опыты отечественных постмодернистов, например, роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота», где присутствуют два плана повествования, но определить, какой из них сон, а какой — явь, невозможно:

«...Если ты поймешь, что абсолютно все, происходящее с тобой — это просто сон, тогда будет совершенно неважно, что тебе приснится. А когда после этого ты проснешься, ты проснешься уже по-настоящему. И навсегда. Если, конечно, захочешь.

- А почему все происходящее со мной — это сон?

- Да потому, Петька, — сказал Чапаев, — что ничего другого просто не бывает.» [Пелевин, 1998: 250]

В случае интертекстуальности такого рода какие-либо материализованные в языке реминисценции, как правило, отсутствуют, и интертекстуальность возникает на основе ассоциаций, догадок, а не абсолютно точного соотнесения разных текстов.

Разрушение когерентности текста под воздействием постмодернистской эстетики и связанная с этим «смерть автора» (по Р. Барту) обостряют у авторов боязнь «коммуникативного провала» [Ильин, 1998: 166]. С необходимостью установления коммуникативной связи с читателем связан характерный образ постмодернистской манеры повествования — «маска автора» [Ильин, 1998: 164-166]. «Маска автора» — это подчас единственное, что скрепляет текст в единое целое. Она нередко агрессивна и, как правило, ориентирована на стирание граней между «высокой» и «низкой» литературой. Например, в стихотворных концептуальных опытах Д. А. Пригова «разыгрывается драма языка, не подозревающая о своей ущербности, потому что в этом языке почти без остатка умещается «народное» сознание. Приговская речь — это речь, целиком взятая в кавычки. Речь лицедея, создающего образ Поэта, в котором персонифицирован глас народный» [Гамручи, 1993: 208]:

Как я пакостный могуч -

Тараканов стаи туч

Я гоняю неустанно

Что дивятся тараканы

Неустанству моему:

Не противно ль самому? -

Конечно, противно,

А что поделаешь [Пригов, 1997: 38].

В русской литературе «маска автора» обязана своим появлениям «образам-гибридам» (например, автор-рассказчик у Зощенко) или персонажам-графоманам, встречающихся у В. Хлебникова, В. Маяковского, Н. Олейникова, обэриутов, Платонова и других авторов (по А. К. Жолковскому).

Наши попытки продемонстрировать на конкретных примерах, как соотносятся текстовые реминисценции и интертексты, не означают, что такой стиль отношений свойственен только текстам, выдержанным в постмодернистской манере письма. Например, в «Былине о МО» А. Вознесенского читаем:

*Словно гоголевский шнобель,
над страной летает Мобель.*

Текстовая реминисценция «гоголевский шнобель», с одной стороны, устанавливает интертекстуальную связь с повестью Н. В. Гоголя «Нос», с другой, — содержит намек на характерную черту внешности писателя, задавая тем самым с первых строк стихотворения ироническую интонацию. Или там же:

*Черный мобель, черный мобель
над моею головой,
нового сознания модуль,
черный мобель, я не твой!*

Указание на «текстовый объект» (народную песню «Черный ворон») передается с помощью текстовой реминисценции в виде искаженной цитаты, на основе чего возникает трагедийная модальность текста.

Для завершения обсуждения поставленной в статье проблемы необходимо также выяснить, каково соотношение прецедентных феноменов и интертекстов («цитируемых текстов» и «текстовых объектов»). Совершенно очевидно, что существует поле пересечения (взаимного наложения) названных феноменов в тех случаях, когда интертекст отвечает требованиям, предъявляемым к прецедентным феноменам (см. сноску 3).

Например, фрагмент из романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» пародирует ситуацию пари Вулича с Печориным и заключительную реплику Максим Максимыча по поводу «азиатских курков» из новеллы М. Ю. Лермонтова «Фаталист». Главная цель этой пародии — снижение персонажей, в частности, Котовского, который, кроме прочих обстоятельств, оказался счастливым соперником героя-рассказчика Петра Пустоты в любви. В данном случае интертекст и прецедентный текст совпадают. Поскольку роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» текстуально изучается в школе, он известен всем «представителям национально-лингвокультурного сообщества», актуален в когнитивном плане, постоянно возобновляется в процессе коммуникации, то есть соответствует всем требованиям, предъявляемым к прецедентным феноменам, и должен быть понят носителями языка без комментариев.

Таким образом, «узнаваемые» интертексты практически всегда прецедентны.

Открытие unprecedentedных интертекстов под силу специалистам-литературоведам, исследователям или достаточно искушенным читателям. Такими примерами насыщены научные исследования интертекстуальности (см., например, Смирнов, 1995; Жолковский, 1994). Сами исследователи межтекстовых связей нередко признают невозможность конечного постижения интертекстуальной информации современных текстов.

Таким образом, сосуществование текстовых реминисценций, прецедентных феноменов и интертекстов не содержит в себе противоречия, а, напротив, помогает выделять и интерпретировать самый труднодоступный пласт любого текста — его межтекстовые связи, «чужих певцов блуждающие сны», как метко охарактеризовал его А. Жолковский, используя цитату из О. Мандельштама.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с франц. / Сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М., 1994.
- [2] *Бродский И.* Бог сохраняет все. М., 1992.
- [3] *Ерофеев Викт.* Избранное, или Карманный апокалипсис. М.-Париж-Нью-Йорк., 1993.
- [4] *Ерофеев Викт.* В лабиринте проклятых вопросов: Эссе. М., 1996.
- [5] *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.
- [6] *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
- [7] *Кибиров Т.* Парафразис / Книга стихов. С.-П., 1997.
- [8] *Красных В. В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* М., 1997. Вып. 2. С.5-12.
- [9] *Лелевин В.* Чапаев и Пустота. Роман. М., 1998.
- [10] *Пригов Д. А.* Написанное с 1975 по 1989. М., 1997.
- [11] *Смирнов И. П.* Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). 2-ое изд. С.-П., 1995.
- [12] *Современное зарубежное литературоведение / Энциклопедический справочник / Под ред. И. П. Ильина, Е. А. Цургановой.* М., 1996.
- [13] *Соколов С.* Школа для дураков. Ардис, 1976.
- [14] *Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Цитаты как знаки прецедентных текстов. // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* М., 1997. Вып. 2. С.13-25
- [15] *Сутрун А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания.* 1995, № 6. С.17-29.
- [16] *Тамручи Н.* «Московский концептуализм» (История слов) // *Вопросы искусствознания.* 1993, № 4. С.206-223.